

**Санкт-Петербургский государственный университет
Исторический факультет
Кафедра истории древней Греции и Рима
Центр антиковедения**

МНЕМОН

**Исследования и публикации по истории
античного мира
Под редакцией профессора Э.Д. Фролова**

Выпуск 8

**Санкт-Петербург
2009**

О.Ю. Климов

Пергамская научная школа*

В развитии античной науки эпоха эллинизма занимает особое место. В III-I вв. до н.э. отмечается в целом стремительное развитие научных исследований, в том числе энергичное накопление эмпирических знаний, внедрение новых, в том числе экспериментальных методов исследования, появление ряда выдающихся открытий, а также возникновение новых институциональных форм организации и ведения научной деятельности. В позднеархаическую и классическую эпохи научное творчество было исключительно делом частной инициативы, предпринимаемой творческой личностью. В эпоху эллинизма организацию научной деятельности в монархиях, образовавшихся на Востоке, стала принимать на себя государственную власть. Стремление к прославлению государства, его военной силы и славы различными идеологическими средствами получило широкое распространение в эпоху эллинизма: цари вводили в своей стране собственные культы и религиозное почитание членов царской семьи, превращали столицы царств в города, поражающие великолепием построек и памятников монументального искусства, создавала при царском дворе своего рода интеллектуальную элиту, собственный научный и культурный центр, приглашая для этого крупных представителей научной, литературной и художественной элиты греческого мира¹. Результа-

* Данная работа выполнена в рамках исследовательского проекта РФФИ «Цивилизация досуга: исследование основной парадигмы социальной и культурной жизни античного общества» (09-06-00325-а).

¹ Первые попытки привлечения научной, писательской и художественной элиты ко двору правителей для формирования нового имиджа власти и для создания своего рода интеллектуального и творческого ее обрамления относятся к архаическому и классическому периодам. Примеры эти многочисленны и носят хрестоматийный характер, поэтому приведем

том такой деятельности царей стало появление наряду со старыми центрами науки и образования, такими как Афины, Родос, Кос новых – ими стали, прежде всего, столицы эллинистических государств Александрия, Пергам, Пелла, Антиохия-на-Оронте².

Обращение к теме развития науки и научных школ эпохи эллинизма показывает, что общим местом в трудах по античной истории и культуре стали признания в качестве важнейших центров развития культуры и науки Александрийского Мусейона и пергамской библиотеки. В источниках имеется немало свидетельств о библиотеке в Александрии, а Александрийская наука вызывает значительный интерес исследователей. Но место и роль Пергама и пергамской библиотеки в развитии культуры и науки крайне скупо и фрагментарно отражены в источниках, а специальное монографическое исследование научной школы Пергама до сих пор не появилось. Попытки анализировать сведения о научной школе, сложившейся в царстве Аггалидов, предпринималось лишь в работах общего характера – в некоторых исследованиях по истории Пергамского государства, в книгах по культуре эпохи эллинизма и по истории античной науки (Г.П. Чистяков, Э. Хансен, К. Шнайдер, Фр. Шамо)³. Вместе с тем, многие общие труды по истории

лишь немногие из них. Например, Анакреонт некоторое время пребывал при дворах тирана Поликрата на Самосе и сыновей Писистрата в Афинах; последние годы жизни провел при дворе Алевадов в Фессалии. По приглашению македонского царя Архелая в Македонию прибыл и прожил остаток своей жизни Еврипид. Кроме него, при македонском царском дворе состояли драматург Тимофей, поэты Агатон, Меланипид и Хирил, художник Зевксид. См. Hammond N.G.L. *The Macedonian State. Origins, Institutions and History*. – Oxford, 1992. P. 57; Hammond N.G.L. *History of Macedonia. Vol.1*. – Oxford, 1972. P. 38 сл.; Hammond N.G.L., Griffith G.T. *History of Macedonia. Vol.2*. – Oxford, 1979. P. 148 сл.

² Об Александрии как научном центре эпохи эллинизма см.: Фролов Э.Д. *Греция в эпоху поздней классики (Общество. Личность. Власть)*. – СПб, 2001. С. 565-588; Боннар А. *Греческая цивилизация. Т.3*. – М., 1992. С. 240-255; Чистяков Г.П. *Эллинистический Мусейон (Александрия, Пергам, Антиохия)* // *Эллинизм: Восток и Запад*. – М., 1992. С. 298-315; Susemihl Fr. *Analecta Alexandrina chronologica*. – Gr. 1885; Susemihl Fr. *Geschichte der Griechischen Litteratur in der Alexandrinerzeit. Bd. 1*. – Lipsiae, 1891. S.6-10; Mueller-Graupa. *Museion (1)* // *RE. Hbhd. 31. 1933. Sp. 797-821*; *A Companion to the Hellenistic World*. Ed. A. Erskine. – Oxford, 2005. P.483-484.

³ Чистяков Г.П. Там же; Dziatzko. *Bibliotheken. VI. Pergamenische Bibliothek* // *RE. 1897. Hbhd. 5. Sp. 414-415*; Schneider C. *Kulturgeschichte*

древнегреческой науки и культуры лишь упоминают пергамскую научную школу, ограничиваясь рассказом об александрийском Мусейоне и достижениях александрийской науки⁴.

Подобное положение в значительной степени объясняется сложной ситуацией с источниками, которые не содержат полного рассказа о Пергамской библиотеке и научной школе, но предлагают информацию краткую и разрозненную; она значительно затрудняет реконструкцию целостной картины и не позволяет дать ответ на ряд важнейших вопросов. В распоряжении исследователей лишь отдельные упоминания о Пергамских ученых или ссылки на их труды, встречающиеся у Страбона, Павсания, Афинейя, Плиния Старшего, Светония и других античных авторов. Сохранились некоторые произведения ряда ученых, работавших в Пергаме, – Аполлония из г. Перге, Никандра из Колофона, но они, за исключением отдельных сведений, не содержат информации собственно о научной школе⁵.

des Hellenismus. Bd.1-2. – Munchen, 1967-1969; Chamoux Fr. Hellenistic civilization. – Oxford, Melbourne, Berlin, 2002. P. 362. Наиболее содержательным очерком по истории Пергамской научной школы по-прежнему остается соответствующая глава в книге Э. Хансен – Hansen E. The Attalid of Pergamon. – Ithaca; London. 1971. P.396-433.

⁴ Рожанский И.Д. Античная наука. – М., 1980. С. 122-168; Он же. Древнегреческая наука // Очерки истории естественно – научных знаний в древности. – М., 1982. С. 246-263; Bury J.B., Barber E.A., Bevan E., Tarn W. The Hellenistic Age. Aspects of Hellenistic civilization. Cambridge, 1923; Cary M. A History of the Greek World from 323 to 146 B.C. – L., 1935. P. 343-358; Longrigg J. Greek Rational Medicine. Philosophy and Medicine from Alcmaeon to the Alexandrians. – London; New York. 2003; Lloyd G.T.R. Hellenistic Science // САН. Vol. VII. P.1. – Cambridge, 2008. P.321-352. Сила традиции, связывающей успехи эллинистической науки с александрийской школой, столь велика, что некоторые ученые, например, рассказывая об Аполлонии из г. Перге, относят его исключительно к числу александрийских ученых, даже не упоминая о том, что этот ученый работал в Пергаме (Рожанский И.Д. Древнегреческая наука. С. 258; McClellan III G.; Dorn H. Science and Technology in World History. – Baltimore. 2006. P. 82).

⁵ Nicandrea. Theriaca et Alexipharmaca. Rec. O. Schneider. – Lipsiae, 1856; De Cratete Mallota disputavit adjectus eius reliquiis C. Wachsmuth. – Lipsiae, 1860; Apollonii Pergaei quae graecae extant. Ed. J. Heiberg. – Lipsiae. Vol.1-2. 1891-1893; Selections illustrating the history of Greek Mathematics. Vol. 2. – London, Cambridge, 1957. P. 277-357.

Для знакомства с эллинистической наукой весьма полезна подборка источников: Irby-Massie G.; Keyser P. Greek Science of the Hellenistic Era: A Sourcebook. – London; New York. 2002.

1. Возникновение и расцвет пергамской библиотеки и научной школы

Из разрозненных сообщений источников известно, что правители Пергама, начиная, по крайней мере, со второго представителя династии – Эвмена I, а возможно, и со времени основателя династии Филетера – поддерживали регулярные контакты с философскими школами в Афинах, а также, что при дворе пергамских царей проживало большое число ученых, философов, скульпторов, художников. Среди них известны выдающийся скульптор Эпигон, ученый грамматик Кратес, поэты Лесхид и Мусей из Эфеса, поэт и историк Аполлодор из Афин, поэт Никандр из Колофона, математик Аполлоний из г. Перге и другие.

Образование пергамского научного центра и библиотеки было вызвано к жизни укреплением царства Атталидов, превращением его в один из центров эллинистической политической жизни. Создание и укрепление самостоятельного государства при Филетере и Эвмене I, а особенно принятие Атталом I царского титула и его крупные военные победы требовали создания дополнительных атрибутов монархии – царского двора с его многочисленными придворными, обладавшими почетными званиями и рангами, роскошных архитектурных сооружений в столице, монументальных памятников в честь царских побед. Одним из таких атрибутов явилось создание собственного научного центра и библиотеки, приглашение ко двору знаменитых ученых, писателей, поэтов, которые должны были создавать интеллектуальное окружение власти. При этом Атталиды имели перед собой яркий пример научной школы, созданной Птолемеями в Александрии.

Вопрос о времени возникновения пергамской библиотеки и научного центра сложен и неясен. В нашем распоряжении лишь разрозненная информация косвенного характера, которая позволяет строить предположения, но не дает возможности предложить окончательное решение. Разумеется, нет оснований считать, что замысел создания богатой придворной библиотеки и приглашения ко двору группы ученых для образования научного центра сложился сразу и был реализован одним правителем. Более вероятно, что сам этот план прошел определенный путь трансформации одновременно с теми изменениями, которые претерпело государство Атталидов – от скромного намерения первых правителей скомплектовать библиотеку для собственного пользования до более амбициозного плана придать ей значительный масштаб и

международную известность. По этой причине и воплощение подобного замысла стало итогом продолжительных действий нескольких правителей.

В этой связи особенно важны отдельные факты, свидетельствующие о том, что пергамские цари поддерживали тесные связи со школами Платона и Аристотеля в Афинах. Известно, что уже второй представитель династии Эвмен I оказывал покровительство Аркесилаю, сыну Севфа – основателю Средней Академии. Тесные связи пергамского царского двора с Аркесилаем были не случайными: глава Академии происходил из города Питана в Эолиде, который был подвластен Атталидам, и имел в родном городе имение, доходы с которого ему посылал оставшийся на родине брат. Аркесилай первоначально учился в своем родном городе у математика Автолика (Diog. Laert. IV, 6, 28-29). В этой связи Э. Хансен высказывает предположение, что Аркесилай некоторое время жил при дворе основателя династии – Филетера, прежде чем отправился в Афины⁶. Видимо, в этот период Аркесилай сочинил эпиграмму в честь победы племянника правителя Аттала на Олимпийских играх в состязаниях на колесницах:

Славен оружием Пергам, но не только он славен оружием!
Славен и бегом коней возле Алфеевых струй,
И прореку – если смертным дано провидеть судьбину –
Станет еще он славней в песнях грядущих певцов
(IV, 6, 38-39; Пер. М.Л. Гаспарова)⁷.

Для Аркесилая, ставшего главой Академии, покровительство Эвмена I служило свидетельством широкого признания и, видимо, было весьма лестно: свои произведения он посвящал из правителей лишь одному пергамскому правителю, а от встреч с Антигоном Гонатом отказывался. Возможно, что в данном случае играло роль опасение попасть под сильное политическое влияние македонского царя, тогда как со стороны Эвмена I подобной опасности не исходило, но зато открывались возможности получения определенных льгот.

Позже контакты с философскими школами Афин продолжились. Известно, что в середине III в. до н.э., когда главой Академии стал Лакид из Кирены, Аттал I не только поддерживал с ним отношения, но и приглашал руководителя Академии к своему двору.

⁶ Hansen E. Op.cit. P.396.

⁷ Победа Аттала отражена в надписях – IvP. 10; 11; 19; Hansen E. Op.cit. P. 27.

Впрочем, от приглашения в Пергам Лакид отказался, пошутив, что «на статуи лучше смотреть издали», но не отверг царского дара в виде устроенного в Академии на средства Аттала I нового сада для ученых. Тесные контакты с Академией были продолжены при последующих руководителях школы. Этому способствовало то, что трое руководителей происходили из городов, подвластных Атталидам – Телекл и Эвандр из Фокеи, а Гегесин из Пергама. (Diog. Laert. IV, 8, 60). Сложившиеся контакты со школой были, несомненно, продолжены и далее, так как царь Аттал II в юности в 178 г. до н.э. учился в Академии у Карнеада (Syll.³ 666). Другая знаменитая афинская философская школа – Ликей, также имела постоянные контакты с Атталидами. Первые отношения были установлены, когда Ликеем стал руководить Ликон, происходивший из Троады, ученик и преемник Феофраста. Он был связан с Эвменом I и Атталом I, «которые много заботились о нем» (Diog. Laert. V, 4, 67). По словам Афенея в учителя Атталу I в его юные годы был приглашен Лисимах, вероятно, ученик Феофраста, который позже остался при царском дворе и написал несколько книг, посвященных образованию Аттала (Athen. VI, 252c)⁸. Следует полагать, что эти контакты не были случайностью и не были продиктованы исключительно интересом пергамских правителей к философии: можно предполагать, что с ними было связано стремление привлечь ко двору известных ученых и создать в дальнейшем собственную придворную научную школу и, возможно, устроить ее по образцу Академии или Ликейя.

Точное время создания библиотеки не известно. Но контакты с ученым миром были установлены уже при Эвмене I, возможно даже при Филетере. Ко времени Эвмена I, а также возможно Филетера, относится и возникновение практики приглашения ко двору отдельных ученых и деятелей искусства. Вероятно, тогда же было положено начало придворной библиотеке. Разумеется, эти скромные попытки первых правителей Пергама еще не могли привести к созданию в столице Атталидов полноценной научной школы и авторитетного творческого сообщества. По мнению исследователей, которое основывается на косвенных данных, с определенной уверенностью можно отнести создание пергамской библиотеки и

⁸ В этой связи едва ли возможно совершенно согласиться с утверждением Г.П. Чистякова о том, что пергамские цари «... четко ориентировались на платоновскую Академию» (Чистяков Г.П. Ук.соч. С.308).

научной школы к концу III в. до н.э. – началу II в. до н.э., т.е. к концу правления Аттала I (241-197 гг. до н.э.) – началу правления Эвмена II (197-160 гг. до н.э.)⁹. Именно на это время приходится пребывание в Пергаме ряда известных ученых и творческих деятелей. Известные по археологическим исследованиям постройки на акрополе Пергама, которые отождествляют с библиотекой, относятся ко времени правления Эвмена II. Считается, что свой расцвет пергамская научная школа пережила при Эвмене II и Аттале II, т.е. в первой половине – середине II в. до н.э.

Несколько факторов способствовало тому, чтобы Пергам превратился в значительный научный центр Восточного Средиземноморья. Прежде всего, многие Атталиды – Эвмен I, Аттал I, Эвмен II и Аттал II – обладали хорошим образованием и выказывали интерес к искусствам и наукам. Некоторые из пергамских царей и сами не чуждались научного и художественного творчества, хотя иногда и в эксцентричной форме. Страбон цитирует сочинение Аттала I, в котором описана Прекрасная Сосна – дерево в Троаде, отличавшееся особой высотой и толщиной (Strab. XIII, 1, 44). Возможно, первым пергамским царем было составлено произведение с описанием различных достопримечательностей Малой Азии. Последний представитель династии – Аттал III – увлекался выращиванием растений, в том числе ядовитых, изготовлением ядов, а также лепкой из воска форм и литьем из меди, лично проектировал надгробие своей матери – царицы Стратоники (Justin. XXXVI, 4, 1-5). Пергамские правители располагали весьма значительным финансовым потенциалом; не случайно упоминание об их богатстве и неограниченных материальных возможностях стало общим местом в трудах ряда греческих и римских авторов (Verg. Culex, 63; Hor. Carm. I, 1, 11-13; II, 18, 5-6). Поэтому Атталиды заказывали крупномасштабные и дорогостоящие работы архитекторам и скульпторам, приглашали известных ученых и художников. Для богатой династии приглашение ученых или скульпторов ко двору не создавало финансовых затруднений, равно как и приобретение новых книг для придворной библиотеки. Еще одним важным фактором, стимулировавшим развитие собственной научной школы в Пергаме, явились отмеченные выше давние тесные связи династии с философскими школами в Афинах. Философские сообщества могли послужить

⁹ См. Dziatko. Op.cit. Sp.414.

своего рода образцом для собственной придворной научной школы и открывали возможность пригласить в столицу крупных ученых и писателей. Созданию научного центра в Пергаме способствовало наличие богатой научной традиции, сложившейся в различных городах западной части Малой Азии, в том числе в тех, которые оказались под властью Атталидов (например, Эфес. Питана, Фокея) или поддерживали с ними тесные дружественные отношения (Милет, Кизик).

Важным фактором, привлекавшим ученых в столицу государства Атталидов, явилось наличие царской библиотеки, которая во II в. до н.э. превратилась в одно из лучших собраний эллинистического мира. Пергамские цари прилагали немалые усилия к тому, чтобы увеличить свою коллекцию книг. Страбон повествует о том, что Атталиды весьма активно разыскивали книги для создаваемой ими библиотеки, видимо, заставляя владельцев продавать их или прибегая к конфискации. По этой причине наследники философа Нелея из Скепсиса, которому Феофраст передал свою библиотеку, содержащую труды его самого и его учителя Аристотеля, спрятали книги в яме в земле (Strab. XV, 1, 54)¹⁰. Об общем количестве книг, собранных в пергамской библиотеке, можно судить лишь по одному факту, который упоминается Плутархом в биографии Антония: последний ограбил пергамскую библиотеку, изъяв из нее 200000 книг, чтобы восполнить потери, которые понесла Александрийская библиотека во время пожара при Юлии Цезаре (Plut. Anton. 58). Из данного рассказа все-таки неясно, были ли изъяты из пергамской библиотеки все книги полностью или нет. Возможно, все-таки книжное собрание не было передано Клео-

¹⁰ Атталиды собирали в своей столице также выдающиеся произведения изобразительного искусства, захватывая их в ходе войн в Греции и на островах Эгейского моря или покупая у прежних владельцев. Коллекцию Атталидов составляли статуи, выполненные Бупалом Хиосским, Онатом, сыном Микона, с Эгины, Праксителем, его сыном Кефисодотом, Мироном, Ксенократом (IvP. 46, 48-50, 135-142, 144). Нередко цари соглашались на весьма значительные расходы ради увеличения своей коллекции. Аттал II после разгрома Коринфа в 146 г. до н.э. предлагал 100 талантов за картину современника Апеллеса Аристида (Plin. XXXV, 24; VII, 126). Из дельфийской надписи известно, что этот же царь отправил в 140/139 г. до н.э. в Дельфы трех художников для копирования картин Полигнота, написанных еще в середине V в. до н.э. (Syll.³ 682) – См. также: Paus. I, 4, 6; X, 25, 10; Meeteer H. Artists of Pergamon. – Philidelphia, 1904. P. 4-10.

патре полностью, поскольку значительно позже в Пергаме продолжала свое развитие школа медицинских исследований, само существование которой едва ли было возможно без специальной библиотеки.

Вероятно, в Пергаме библиотека служила не только местом хранения книг, но превратилась в научный центр, в место работы ученых, приглашенных ко двору Атталидов. Видимо, значительный масштаб и известность пергамская библиотека и научный центр обрели в годы правления Эвмена II и его преемника и брата Аттала II, поскольку современник последнего – Птолемей VIII Эвергет II Фискон (145-116 гг. до н.э.) запретил вывоз папируса из Египта с целью воспрепятствовать развитию библиотеки в Пергаме (Plin. Nat. Hist. XIII, 21, 70). Важно заметить, что в годы правления Аттала I и особенно Эвмена II и Аттала II некоторые из ученых и писателей, живших и творивших в Александрии, приезжают в Пергам для дальнейшей плодотворной работы (например, Аполлоний из Перге, Полемон Периегет, Аполлодор). Следует полагать, что именно к этому времени – к середине II в. до н.э. – библиотека приобрела определенную известность в Восточном Средиземноморье и стала восприниматься Птолемеями как угроза их преобладанию в сфере культуры и науки. Научный центр Атталидов завершил свое существование с падением династии, но библиотека долгое время – не менее ста лет – сохранялась, и развитие науки, по крайней мере исследований в области медицины – с падением династии также не прекратилось.

2. Важнейшие представители пергамской научной школы

В эллинистическом Пергаме в той или иной степени получили развитие разные области научного знания, работали многие крупные ученые. В столице Атталидов творил известный математик и астроном второй половины III – начала II в. до н.э. Аполлоний из г. Перге, работавший также некоторое время в Александрии и Эфесе. Его, наряду с Архимедом и Евклидом, относят к числу великих математиков эпохи эллинизма. Наиболее значительным достижением ученого считается труд «Конические сечения», посвященный изучению сечений, которые образуются при пересечении конуса плоскостью под разными углами. Свою теорию конических сечений и некоторые другие проблемы геометрии Аполлоний развил также в других трактатах. Считается, что в его трудах

древнегреческая геометрическая алгебра достигла высшего расцвета, а теория конических сечений значительно опередила свое время, поэтому вызвала в науке активный интерес лишь в XVII веке¹¹. Аполлоний также успешно занимался астрономией. Важно обратить внимание на то, что приглашение в столицу Атталидов Аполлоний получил от пергамского ученого Эвдема, с которым познакомился во время своего пребывания в Эфесе. Можно полагать, что в Пергаме в момент появления там Аполлония уже работали ученые-математики, вероятно, заинтересованные в расширении своего профессионального сообщества. Возможно также, что Эвдем был уполномочен Атталом I сделать подобное приглашение Аполлонию.

В Пергаме сложилась собственная медицинская школа. Видимо, центром медицинской практики и исследований стал Асклепион – святилище Асклепия, находившееся в непосредственной близости к столице царства, примерно в двух километрах от главных ворот. Развитие медицинского центра при Асклепионе было связано с введением в Пергаме культа бога врачевания Асклепия, которое произошло примерно в середине IV в. до н.э. по инициативе некоего Архия. Об этом сообщает надпись – так называемая «Хроника Пергама», а также упоминает Павсаний (OGIS. 264, v. 1-4; Paus. II. 26, 8)¹². О значении культа Асклепия в более позднее время – при Атталидах – говорит в частности тот факт, что изображение бога чеканилось на монетах времени правления Эвмена II. Святилище Асклепион упоминается при описании войны между Атталом II и Прусием II, когда вторгшаяся в 156 г. до н.э. в глубь пергамских владений армия вифинского царя разграбила святилище и вывезла статуи богов, в том числе статую Асклепия

¹¹ Рожанский И.Д. Античная наука. С.140-142; Hultsch. Apollonios (112)// RE. 1895. Hbbd. 3. Sp. 151-154; Hansen E. Op.cit. P. 406; ; Irby-Massie G.; Keyser P. Op.cit. P. 32, 309, 353-354. Собственно математические аспекты его творчества рассматриваются в трудах: Gow G. A Short History of Greek Mathematics. – Cambridge, 1884. P. 246- 264; Sir Thomas Heath. A History of Greek Mathematics. – Oxford, 1921. Vol.2. P. 110-196.

¹² Fraenkel M. IvP. Bd. 2. S. 378; Dittenberger W. OGIS. Vol.1. P.427. Not.2; Hansen E. Op. cit. P.11. О роли святилищ Асклепия как центров развития медицинской науки и практики см.: Thraemer E. Asklepios // RE. Bd.2. 1896. Sp. 1686-1690; Lang M. Cure and Cult in ancient Corinth. A guide to the Asklepieion. – Princeton, 1977; Nutton V. Ancient Medicine. – London; New York. 2004. P. 103-114.

работы скульптора Фиромеха (Polyb. XXXII, 27, 2-5). Святилище представлял собой комплекс строений, имевших в плане вид большого четырехугольника, с одной стороны которого находился вход, а три других стороны были украшены стоей. На территории святилища в его наиболее высокой части был возведен в ионийском стиле храм Асклепия Сотера. В центре святилища находился источник, над которым было построено специальное здание. В нем вода через водолей в виде головы льва вытекала в водоем. Имелся отдельный бассейн для лечебных омовений, комплекс помещений для лечебного сна¹³. Несомненно, при святилище Асклепия осуществлялась богатая лечебная практика. О развитии медицинских исследований в Пергаме известно мало.

В Пергаме проводились определенные эмпирические исследования в области фармакологии. Свидетельством их развития является появление специальных трудов, посвященных теме ядов и противоядий. Никандр из Колофона, поэт и фармаколог, работавший в Пергаме, написал две поэмы, в которых обобщил результаты эмпирических исследований в области исследования ядов и противоядий. Одна его поэма была посвящена ядовитым животным и противоядию от их укусов и уколов, другая рассматривала противоядия. Ученому и поэту приписывают также энкомий в честь Аттала III¹⁴. Видимо, общеизвестный факт интереса Аттала III к растительным ядам, действие которых он пробовал на живых людях, на своих рабах или даже на друзьях, тоже не случаен и может рассматриваться как косвенное свидетельство наличия в Пергаме сложившейся школы фармакологических и ботанических исследований (Justin. XXXVI, 4, 3; Galen, XIV, 214, 237). Об этом же говорит и приведенное Страбоном описание Прекрасной Сосны, которое составил Аттал I в своем утраченном произведении (Strab. XIII, 1, 44). Дополнительным аргументом в пользу проведения исследований свойств растений свидетельствует также факт проведения в Пергаме успешных экспериментальных работ в области парфюмерии. По сообщению Афиней духи, приготовлявшиеся в Адрамиттии из таволги (лабазника, *filipendula*) и имевшие изначально невысокие достоинства, приобрели первостепенное качество благодаря царице Стратонике – жене Эвмена II и Аттала II. В этой связи интересно отметить, что таволга является

¹³ Hansen E. Op.cit. P. 133, 280-282.

¹⁴ Schneider O. Nikandros (11) // RE. Bd. 33. 1936. Sp. 250-265; Nicandrea. Theriaca et Alexipharmaca. P.8; Hansen E. Op.cit. P. 423-431.

не только сырьем для парфюмерного производства, но обладает целым комплексом леченых свойств. Афиней также сообщает о том, что в Пергаме стали изготавливать высококачественную парфюмерию из ладана после того как мастера в этой области проделали специальную работу (Athen. XV.38, 688e–689b). В связи с приведенными выше данными выдвижение в Пергаме во II в. н.э. выдающегося врача Галена представляется вполне закономерным: он блестяще продолжил и завершил традиции медицинской школы эллинистического Пергама¹⁵. Гален, кроме своего обучения в Александрии, получал основательное медицинское образование в Пергаме, где его учителем являлся Сатир, ученик знаменитого анатома Квинта; тот же в свою очередь учился у Марина. Среди учителей Галена также Эпикур, Эсхрион и Эфициан, который, вероятно, тоже работал в Пергаме. Таким образом, один лишь перечень учителей знаменитого врача и ученого убедительно свидетельствует о наличии в Пергаме собственной медицинской школы, которая восходит своими корнями в эллинистическое время.

При дворе Атталидов как и в других эллинистических монархиях, существовал институт придворных врачей, которые лечили лично царей и членов царской семьи и обладали при дворе высоким статусом. Имена некоторых из них известны. При Эвмене II важное место занимал врач Стратий, сумевший удержать царевича Аттала от опрометчивого шага – от обращения к римскому сенату с просьбой о разделе царства между ним и его братом царем Эвменом II (Polyb. XXX. 2, 3-4). Другой известный нам придворный врач – Менандр, который сопровождал Эвмена II в его походе против галатов во время галльского восстания 168-166 гг. до н.э. Поскольку во время похода Эвмен II был серьезно болен, и врач обеспечил его выздоровление, Афины издали декрет в честь Менандра (Syll.³ 655).

Иные направления научного поиска также получили в Пергаме развитие в трудах разных ученых. Среди них важное место принадлежит Антигону из Кариста, что на острове Эвбея, жившему в III – возможно, в начале II вв. до н.э. Антигон родился предполо-

¹⁵ О Галене см.: Percy L. Galen's Pergamum // *Archaeology*. 1985. Vol. 38. No 6. P.33-39; Nutton V. *Ancient Medicine*. – London; New-York, 2004. P. 216-229, 230-247; Staden H. von. *Galen's Alexandria // Ancient Alexandria between Egypt and Greece*. 2004. P. 179-215. Об учителях Галена см. Staden H. Von. *Galen's Alexandria*. P. 209-210.

жительно между 295-290 гг. до н.э. и прожил долгую жизнь. Антигон являет собой пример разносторонней творческой личности, учился в Эретрии в философа Менедема и в Афинах, в дальнейшем он поселился в Пергаме и прославился участием в выполнении памятников в честь побед Аттала I над галатами. Антигон не только занимался скульптурой, но писал сочинения о живописи, скульптуре, торевтике, о жизни знаменитых философов (Diog. Laert. II, 15; IX, 49; Plin. Nat.Hist. XXXIV, 19, 84)¹⁶. В литературе давно высказано предположение, что труд Антигона из Кариста послужил одним из основных источников для Плиния Старшего в его описаниях произведений искусства и жизни художников и скульпторов и для Диогена Лаэртция при составлении жизнеописаний ряда философов – прежде всего, тех, кто поддерживал тесные связи с царским домом Атталидов – например, Лакида¹⁷.

Одним из наиболее известных исследователей пергамской школы был Полемон Периегет (ок. 230 (220) – ок. 160 г. до н.э.). Он родился в Гликее, небольшой деревушке около Илиона в Троаде, проживал и работал в Александрии при Птолемеи V Эпифане (204-180 гг. до н.э.), после чего в свои зрелые годы, видимо, некоторое время жил и творил при пергамском дворе. Известно о том, что он был автором письма царю Атталу. Какой из царей с этим именем был адресатом Полемона, неясно. Многие ученые считают таковым Аттала II, но следует принять во внимание, что этот царь пришел к власти в 160 г. до н.э., т.е. в год, когда, как полагают, Полемон умер. Поэтому не менее вероятным является предположение о том, что адресатом Полемона мог быть Аттал I. Основную известность Полемону принесли работы с описанием различных земель, составившие тридцать книг. Эти сочинения были написаны Полемоном в результате долгих путешествий по Греции, Южной Италии, Сицилии, Малой Азии. В своих трудах он рассказал об ораторах, живописцах и скульпторах, включил описания картин, скульптур и произведений прикладного искусства, а

¹⁶ Willamowitz U. von. Antigonos von Karystos. – Berlin, 1881; Susemihl Fr. Geschichte... Bd. I. S. 468-475; Robert C. Antigonos (19) von Karystos // RE. Bd. I. Stuttgart, 1894. Sp. 2421-2422; Hansen E. Op.cit. P. 397-398. Плиний называет среди скульпторов, работавших в Пергаме, Исигона, но не упоминает Антигона. Высказывалось убедительное предположение, что переписчик допустил ошибку, исказив имя Антигона. – Meereer H. P. 18.

¹⁷ Г.П. Чистяков. Ук. соч. С. 308. Прим. 9; Meeteer H. Artists... P. 19; Hansen E. Op.cit. P. 398-399; P. 399, Not. 59, 60; 62.

также дискутировал с другими учеными – своими предшественниками. Полемон проявлял интерес к истории и составил ряд произведений, посвященных основанию и истории греческих городов Причерноморья и Великой Греции (Diog. Laert. II, 104; III, 46; IV, 58; V, 85; Athen. V, 210 ab; XI, 462 a, 474 cd, 483 c, 484 c, 497 f)¹⁸.

Исследования в области механики и военной техники проводил в Пергаме Битон, который написал специальный трактат о металлических и осадных машинах, сконструированных греческими инженерами IV-II вв. до н.э., посвятив свою работу царю Атталу, видимо, это Аттал II (Athen. XIV, 634 a)¹⁹.

Выдающимся ученым, составившим славу пергамской школы в первой половине II в. до н.э., был Кратет из Малла, сын Тимократа, философ – стоик, известный знаток греческой литературы, особенно Гомера, специалист в области филологии (Suid. s.v. Κράτης). Кратет был не только большим ученым, но и влиятельным приближенным Эвмена II, которому давались важные царские поручения. В 168 г. до н.э. Кратет был включен в состав посольства в Рим, которое для него лично завершилось тяжелой травмой – переломом ноги и вынужденным длительным пребыванием в Риме (Suet. De gramm., 2). С именем ученого связывают составление так называемых «Списков», которые, видимо, представляли собой расширенный каталог библиотеки или же были подобны «Таблицам», составленным в Александрии Каллимахом, то есть одновременно являлись каталогом и биографическим справочником. Можно полагать, что подготовка «Списков» в пергамской библиотеке представляла собой важный шаг в работе по систематизации книг и знаний, а также по более четкой организации научной работы исследователей²⁰.

Свои научные исследования Кратет основывал на методе аллегорического толкования текстов авторов, прежде всего Гомера. Так, богов он считал аллегорией сил природы, полагал, что в опи-

¹⁸ Muller C. FHG Vol. III. P. 108-148; Deichgraber K. Polemon (9) (Periheget) // RE. Hbbd. 42. 1952. Sp. 1288-1320; Hansen E. Op.cit. P.400 сл. Фрагменты письма Атталу – FHG P. 135 (Fr. 70, 72).

¹⁹ Muller K. Biton // RE. 1897. Hbbd. 5. Sp. 545-546; Hansen E. Op.cit. P. 405. Некоторые ученые полагают, что Битон посвятил свое сочинение Атталу I – Irby-Massie G.; Keyser P. P. 161.

²⁰ De Cratete Mallota disputavit adjectus eius reliquiis C. Wachsmuth. – Lipsiae, 1860; Krates (16) von Mallos // RE. Hbbd. 22. 1922. Sp. 1634-1641; Hansen E. Op.cit. P. 409-418.

сании щита Ахилла заключена картина космоса. В целях рационального толкования поэм Гомера, а также для того, чтобы получить у Гомера подтверждение некоторым собственным географическим представлениям, Кратет в ряде случаев вносил изменения в текст поэм. Ученый прославился также научной деятельностью в области географии. Очевидно, именно с его именем связано также создание очень важной гипотезы в области географии: занимаясь составлением комментариев к Гомеру, Кратет пришел к выводу, что кроме известной ученым ойкумены, должны существовать еще другие материки. Вся земля по его гипотезе представляла собой четыре материка, симметрично расположенных в океане и разделенных водами океана горизонтально по экватору, а также вертикально в направлении с севера на юг. По мнению А.Б. Дитмара, автором этой гипотезы был именно Кратет, хотя некоторыми учеными высказывается предположение о ее принадлежности пифагорейцам. С целью наглядно продемонстрировать данную гипотезу Кратет изготовил большой глобус, на котором изобразил четыре материка, крестообразно разделенных полосами океана (Strab. I, 1, 6-7; 24-25; 31; II, 3, 7-8; 5, 10; III, 4, 4; IX, 5, 18; XIII, 1, 55; XIV, 5, 16)²¹.

Кратет создал собственную научную школу: источники содержат упоминания о нескольких его учениках, продолжавших исследования с применением его методов. Наиболее известным среди них явился Панеций Родосский (Strab. XIV, 5, 16)²². Учеником Кратета и сторонником его метода анализа классических текстов был Артемон, работавший при Пергамском дворе в середине II в. до н.э., которого Элиан называет историком. По этой причине ряд исследователей отождествляют его с Артемоном из Клазомен – историком, написавшим сочинение по истории собственного города, а также труд о Гомере (Aelian. Nat. anim. XII, 28; Suid., s.v. Ἀρτῆμιος). Имеется иная возможность – отождествить его с Артемоном из Кассандрии – писателем и филологом, автором ряда трудов, в том числе сочинения о собирании книг²³. О других учениках Кратеса – Тавриске и Гермии – не известно ничего кроме имен.

²¹ Дитмар А.Б. География в античное время. М., 1980. С. 76-77; Томсон Дж.О. История древней географии. М., 1953. С. 292.

²² Hansen E. Op.cit. P. 421.

²³ Wentzel. Artemon (17,18)// RE. Hbbd. 4. 1896. Sp. 1446-1447; Hansen E. Op.cit. P. 420-421.

При дворе Атталидов сложилась собственная традиция историописания. Известно, что при дворе Атталидов, как это было принято в эллинистическом мире, велись ежедневные записи наиболее значительных событий. Эти своеобразные придворные «дневники» не сохранились; о них известно из одного упоминания в надписи (RC. 66. v. 14-15)²⁴. Для написания исторических трудов ко двору приглашались историки. Одним из первых стал Лисимах, ученик Феофраста, учитель Аттала I, который, вероятно, остался при царском дворе и написал сочинение, посвященное образованию своего подопечного (Athen. VI, 252 с.)²⁵. В Пергаме также писал Неанф из Кизика, создавший свои труды в последние годы правления Аттала I или при Эвмене II (Athen. XV. 699 d)²⁶. Присутствие при дворе Атталидов историка из Кизика не удивительно в свете очень тесных и неизменно дружественных отношений династии с этим городом, а также в связи с тем, что царица Аполлониды, жена Аттала I и мать двух других пергамских царей – Эвмена II и Аттала II – была родом из Кизика и снискала себе самую добрую славу. Неанф написал общую историю греков в шести книгах, оставил сочинение об истории своего родного города, о знаменитых людях, в которой рассказал о философах и поэтах. При дворе Аттала II и, вероятно, Аттала III, приживал известный ученый – грамматик и писатель II в. до н.э. Аполлодор из Афин, работавший некоторое время в Александрии, но после 146 г. до н.э. вынужденный перебраться в Пергам. Аполлодор составил в стихах «Хронику», в которую вошли события от Троянской войны по 144 г. до н.э. Свое сочинение Аполлодор посвятил Атталу II. Кроме данного исторического произведения и знаменитой «Мифологической библиотеки» ученый написал также труды по греческой этимологии, географии, составил комментарии к гомеровскому «Каталогу кораблей». Какие из его трудов были написаны в Александрии или в Пергаме, не известно²⁷.

²⁴ Источниковедение древней Греции (эпоха эллинизма). – М., 1982. С.135-136; Hansen E. Op.cit. P.XVII.

²⁵ Muller C. FHG Vol. III. P.2; Jacoby F. FGrHist. Vol. II B. P. 895;

²⁶ Syll.³ 377; Muller C. FHG Vol. III, P.2-4; Jacoby F. FGrHist. Vol. II. A. P. 191-202; Laquer R. Neanthes // RE. Hbbd. XVI. 1933. Sp. 2108-2110.

²⁷ Борухович В.Г. Античная мифография и «Библиотека» Аполлодора // Аполлодор. Мифологическая библиотека. – Л., 1972. С.110; Munzel. Apollodoros (61) // RE. Bd.1. 1894. Sp. 2856 сл.; Susemihl Fr. Geschichte... Bd. 2. S.33 сл. Schneider C. Kulturgeschichte... Bd.2. S.462-463.

Придворное литературное творчество также получило в Пергаме определенное развитие. Мусей из Эфеса написал поэму «Персеида» в десяти книгах и составил панегирики в честь Эвмена и Аттала. По мнению Э.Хансен, Мусей был современником Эвмена I и Аттала I. Некоторые ученые относили его жизнь к более позднему времени – к периоду правления Эвмена II и Аттала II (Suid., s.v. Μουσαῖος Ἐφέσιος)²⁸. В числе придворных поэтов состоял также Лесхид, сопровождавший Эвмена II в его походе против галатов в 168-166 гг. до н.э. и, вероятно, написавший в честь победы стихи (Suid., s.v. Λεσχίδης)²⁹.

Некоторые из приглашенных к царскому двору философов, ученых, врачей кроме своей научной и творческой деятельности, выполняли еще одну важную функцию, связанную с практическим управлением государством – они составляли своего рода интеллектуальное окружение царя и выступали его советниками в вопросах управления, а также помощниками в решении деликатных политических вопросов. Более того, отдельные представители этого круга устанавливали достаточно близкое знакомство или даже дружбу с царями и их родственниками, вовлекались в сферу придворных отношений, могли оказывать определенное влияние на политику. Влияние этих людей, осуществляемое неофициально и косвенным путем, весьма мало отражено в источниках, тем не менее, об одной подобной ситуации рассказывает Полибий. По словам историка, во время визита брата царя Эвмена II Аттала в Рим в начале 167 г. до н.э. римский сенат, намереваясь ослабить Пергамское царство, стал подталкивал Аттала к тому, чтобы он просил о разделе государства между ним и его братом. Опасаясь этого, Эвмен II направил к Атталу своего приближенного – врача Стратия. «По прибытии в Рим Стратий сошелся близко с Атталом и часто вступал с ним в продолжительные беседы: человек он был умный и красноречивый. Не без труда удалось ему отвлечь Аттала от безрассудного замысла указанием на то, что и в настоящее время Аттал делит царскую власть с братом, что от брата он разнится тем только, что не носит венца и не имеет звания царя, во всем же прочем равносителен с царем...» (Polyb. XXX. 2, 3-4. Пер. Ф.Г. Мищенко). В данном эпизоде привлекает внимание свободный и доверительный характер общения царевича с царским советником. Важно также, что Стратий сумел убедить

²⁸ Susemihl Fr. Geschichte... Bd. I. S. 406; Hansen E. Op.cit. P. 408.

²⁹ Susemihl Fr. Geschichte... Bd.I. S. 409; Hansen E. Op.cit. P.408.

царевича отказаться от опасного решения. Несколько ранее – в 168 г. до н.э., в числе послов к римскому сенату состоял известный ученый Кратет, сын Тимократа. Светоний сообщает о том, что во время пребывания в Риме Кратет сломал бедро и в период длительной болезни коротал досуг в интеллектуальных занятиях вместе со знатными римлянами (Suet. De gramm., 2). О характере и результатах его посольской деятельности не сообщается ничего. Роль политического консультанта намеревался сыграть при дворе Аристоника известный философ Блоссий из Кум, приехавший специально из Италии в Малую Азию (Plut. Tib. XX)³⁰.

Важной частью творческого сообщества в Пергаме стали также выдающиеся скульпторы, художники, которые работали по заказу власти: скульпторы Эпигон, Антигон из Кариста, Стратоник из Кизика (Plin. Nat. Hist. XXXIII, 156; XXXIV, 84-85; 90), Фироммах и Никерат (IvP. 132-134; Plin. Nat. Hist. XXXIV, 84) и многие другие (IvP. 75)³¹. Среди них наиболее значительными фигурами явились Антигон из Кариста и Эпигон. Эпигон, сын Хария, уроженец Пергама, жил при дворе Атталидов, вероятно, со времени правления Филетера, при Эвмене I и Атгале I, знаменит статуями, прославлявшими победы первого пергамского царя Аттала I над галатами (IvP. 12, 22, 29, 31, 32; Plin. XXXVI, 88; вероятно, также 84)³². Выдающиеся скульптуры были изготовлены из бронзы и не сохранились, но известны их мраморные копии. Это статуя умирающего галла (так называемый «умирающий гладиатор»), а также скульптурная группа, изображающая галла, поразившего мечом свою жену и закалывающего себя, чтобы избежать плена, и ряд других.

³⁰ О Блоссии см.: Чернышев Ю.Г. Блоссий из Кум, политический консультант // <http://ancientrome.ru/publik/tchernyc/tcher01.htm> (11.11.2000); Беликов А.П. Рим и эллинизм: проблемы политических, экономических и культурных контактов. – Ставрополь, 2003. С.274-286; Dudley D.R. Blossius of Cumae // JRS. 1941. Vol.31. P. 94-99; Africa Th. Aristonicus, Blossius and the City of the Sun // International review of Social History. 1961. Vol.6. P.110-124; Carrata Thomes Fr. La rivolta di Aristonico a la origini della provincia romana d'Asia. – Torino. 1968. P. 58-59; Ferguson J. Utopias of the Classical World. – L. 1975. P. 138-144.

³¹ В нашу задачу не входит характеристика творчества скульпторов и художников, работавших по заказу Атталидов. См.: Meeteer H. Artists... P. 11-40; Hansen E. Op.cit. P. 299 сл.

³² Meeteer H. Artists... P.12-18; Hansen E. Op.cit. P. 302-303, сл.

3. Институциональные основы пергамской научной школы

Археологические исследования, проведенные в Пергаме, позволили достаточно точно восстановить планировку центральной части города, где располагался комплекс царских построек и важнейшие общественные сооружения, и определить местоположение библиотеки. На акрополе Пергама в непосредственной близости к царскому дворцу находился храм богини Афины со священным участком, а также примыкающие к нему постройки, которые отождествляют со знаменитой библиотекой Пергама. Храм Афины находился около края террасы на 23 м выше уровня, на котором располагался знаменитый алтарь Зевса. С трех сторон территория участка святилища Афины была украшена двухэтажной стоей. Непосредственно к одной из стен стои (с северной стороны) примыкал комплекс помещений, которые по предположению А.Конце, принятому позже и другими учеными, считаются помещениями библиотеки. Одна из комнат этого комплекса определено служила местом хранения книг – на стеллажах размещалось, по подсчетам исследователей, более 17500 свитков. Видимо, некоторые другие комнаты и залы также служили этой же цели. Украшением комплекса библиотеки и святилища Афины являлись сохранившаяся статуя богини, а также изображения выдающихся писателей, поэтов и ученых – Гомера, Алкея, Геродота и Тимофея из Милета. Статуи писателей и поэтов, к сожалению, не сохранились, но уцелели их постаменты с надписями (IvP. 198-203)³³.

В Александрии сообщество ученых в Мусейоне представляло собой своего рода фиас – культовое и одновременно профессиональное сообщество, объединявшее ученых³⁴. К сожалению, сведений, которые позволяли бы определить, имелось ли подобное сообщество в Пергаме, нет, поэтому приходится ограничиваться предположениями. В Пергаме существовала культовая коллегия атталистов – частное сообщество актеров, музыкантов, певцов, созданная Кратоном³⁵. Кратон, сын Зотиха, гражданин Калхедона, начинал свою

³³ Bohn R. Der Tempel der Athena Polias zu Pergamon. – Berlin, 1881; Hansen E. Op.cit. P. 267, 270 – 274, 355-356; Rohde E. Pergamon. S. 20-21. Taf.I, 30-34.

³⁴ Об институциональных основах Мусейона см.: Фролов Э.Д. Греция в эпоху... С. 585-586.

³⁵ О коллегии атталистов см.: Климов О.Ю. Коллегия атталистов в Пергаме // ВДИ. 1986. № 4. С.102-109; Daux G. Craton, Eumene et Attale II // BCH.

деятельность в объединении технитов Диониса флейтистом. Позже он приобрел значительное влияние в этом союзе, был избран жрецом Диониса и агонифетом, получил многочисленные почести от союза технитов Ионии и Геллеспонта, Истма и Немеи, а также от объединения синагонистов (SIG. 3067, 3068), стал гражданином города Пергама (SIG. 3068 C). В документах подчеркивается, что деятельность Кратона была связана с царским двором Атталидов (SIG.3067. v. 11-14). При создании коллегии Кратон отобрал и объединил людей в новый союз (OGIS.326. v. 6-7; 325. v. 4): следует полагать, что в новую коллегию были отобраны и объединены артисты-члены организации технитов Диониса. Позже Кратоном был составлен так называемый “священный закон” (OGIS. 325. v. 17, 35), представлявший собой, вероятно, совокупность норм и правил, определявших деятельность атталистов. Чрезвычайно важны указания надписи на существование прямых контактов Кратона с царем Атталом II и интерес последнего к деятельности союза: царь был знаком с содержанием разработанного Кратоном и утвержденного позже атталистами «священного закона» (OGIS. 326. v. 17-18). Таким образом, культовое и одновременно профессиональное сообщество как форма организации в Пергаме было хорошо известно.

Другие соображения носят общий характер – известные философские школы – Академия, Ликей, Сад Эпикура – были организованы в форме частноправовых неформальных объединений, в основе которых лежала организационная инициатива, творческий талант и средства основателя и руководителя школы³⁶. Атталиды же, как указывалось выше, поддерживали с философскими школами Афин тесные отношения. В этой связи наличие в столице Атталидов сообщества, объединявшего ученых, аналогичного Мусейону в Александрии, вполне вероятно, но сведений об этом нет. Вместе с тем, нельзя все-таки исключать и возможность того, что в Пергаме ученые не образовывали автономного самоуправляющегося сообщества, а напрямую подчинялись царям или представителям высшей царской администрации. Вероятно, независимо от формы организации труда ученых, писателей и художников центром их деятельности служила пергамская библиотека.

1935. N.59. P.210-230; Hansen E. Op.cit. P. 460-462; Hopp J. Untersuchungen zur Geschichte der letzten Attaliden. – Munchen, 1977. S. 114.

³⁶ Фролов Э.Д. Философские содружества // Альтернативные социальные сообщества в античном мире. СПб, 2002. С. 129-136, 141-148, 154-158; Фролов Э.Д. Греция в эпоху... С. 567-582.

В любом случае, примем мы предположение о существовании подобного содружества или нет, следует отметить некоторые очевидные отличия пергамской школы от философских сообществ классического времени. Прежде всего, организационная инициатива в Пергаме, как и в Александрии, исходила от царской власти, а не от научного сообщества или отдельного выдающегося мыслителя. Цари проявляли активность в приглашении ученых в свою столицу и организации их исследований. Философские сообщества классического времени обладали определенной материальной основой – земельным участком, домом, бытовой и культовой утварью, – которая изначально принадлежала основателю школы, а позже передавалась им по завещанию в качестве владения; этим владением управлял схолярх – преемник основателя и новый руководитель школы. В Пергаме, как можно предположить, территория библиотеки, помещения, книжное собрание составляли царскую собственность, а ученым, видимо, было лишь предоставлено право пользоваться ими. Вероятно, власть обеспечивала существование ученых, выплачивая им содержание. Можно предполагать, что изменилось по сравнению с классическим периодом, и место главы школы – схолярха. Он не только не являлся собственником или распорядителем имущества, выделенного научному сообществу для его деятельности, но был зависимым от царской власти и подчиненным царю лицом, имевшим, несомненно, высокое социальное положение, но при этом находившимся в зависимости.

Активное влияние власти и лично царей на развитие культуры и науки в государстве неизбежно приводило к складыванию в эпоху эллинизма особого характера взаимоотношений власти с деятелями науки и культуры. Для этого нового характера отношений характерно, прежде всего, широкое использование культуры и науки в политических целях, для прославления власти и ее достижений. Другим ярким проявлением нового характера взаимоотношений власти и науки и культуры является активное вмешательство власти в эту сферу. Оно со всей очевидностью проявилось в том, что государство зачастую выступало в роли непосредственного заказчика работы, определяло ее характер, его концепцию и идейное содержание. Для проведения данной политики и для реализации этого заказа власть целенаправленно выделяла значительные финансовые, людские и иные ресурсы. Таким образом, в случае с

пергамской научной школой мы имеем дело с тем же стилем взаимоотношений царской власти и научного сообщества, что и в Александрии, хотя организационная форма этих отношений могла быть иной. В обоих государствах власть являлась одновременно организатором и заказчиком научных исследований и литературного и художественного творчества, контролировала их содержание.

В этих условиях многочисленные ученые, философы и писатели, проживавшие в городах Малой Азии, продолжали свою деятельность и, вероятно, были более свободны, чем ученые придворной школы, но эта свобода могла быть лишь относительной, а их творчество не могло выражать критическую оценку власти. По сообщению Страбона, ученый-грамматик Дафид сочинил стихотворение, в котором резко и оскорбительно охарактеризовал Атталидов:

«Пурпур рубцов от бича, вы – казны Лисимаха опилки,
Гордых фракийцев и лидов вам подчинен весь народ»
(Пер. Г.А. Стратановского).

За это по приказу царя Аттала (вероятно, Аттала III) грамматик Дафид был распят на кресте на горе Торакс около города Магнесия-на-Меандре (XIV. 1, 39)³⁷.

Создание научного центра при царском дворе, в столице эллинистической монархии – в Александрии, Пергаме или Антиохии–на–Оронте – не преследовало практических целей в виде решения конкретных хозяйственных задач, разработки передовых технологий или получения прибыли с помощью новых научных открытий, внедренных в практику. Вместе с тем, отношения власти и науки, хотя и не носили столь прагматичный характер, все-таки не строились исключительно на абстрактном намерении власти развивать науку, художественное и литературное творчество в принципе, но все-таки основывались на строгом расчете, но не экономического, а политического, военного и престижного характера. Наличие собственного научного центра, привлечение ко двору выдающихся писателей, деятелей культуры и науки придавало власти особое величие, служило дополнительным свидетельством ее больших материальных возможностях, политической мощи и военной

³⁷ См.: Braund D.C. Three hellenistic personages: Amynder, Prusias II, Daphidas // CIQ. 1982. Vol.32. N.2. P.353-357.

силы, а открытия в области техники способствовали укреплению военной мощи государства³⁸.

Наконец, в завершение коснемся вопроса о том, почему пергамская научная школа не стала столь известной, как Мусейон в Александрии. Прежде всего, сама пергамская школа была все-таки не столь масштабной и значительной, как школа в Александрии. Хотя при дворе Атталидов творили отдельные крупные ученые, писатели, скульпторы, но не было столь выдающихся фигур как Каллимах, Аполлоний Родосский, Эратосфен, Евклид, составивших славу Александрийской школы. Пергамская научная школа существовала в течение значительно более короткого времени: она возникла почти на целое столетие позже Александрийской и прекратила свое существование вместе с падением государства Атталидов в 129 г. до н.э. После римского завоевания и особенно после разграбления пергамской библиотеки Антонием и передачи книг в Александрию научный центр в Пергаме полноценно развиваться не мог. Исключение составила медицина, которая продолжала свое существование и пережила расцвет в римское время. Возможно также, одна из причин в том, что в Пергаме получила развитие не литература, не гуманитарные области знания, рассчитанные на широкий круг читателя и отраженные в значительном числе трудов, и сохраненные в большом числе копий, а математика и естественные науки, остававшиеся в эллинистическую эпоху все-таки уделом узкого слоя профессионалов. Очевидно, имелась еще одна важная причина столь значительного развития Мусейона в Александрии и особого внимания, которое уделяли ему Птолемеи по сравнению с Пергамом. Для Птолемеев весьма актуальной была задача распространения греческой культуры в Египте, приобщения к ней верхушки египетского общества, формирование условий для того, чтобы в стране доминировал процесс создания именно греческих культурных ценностей. Между тем, в Пергамском царстве, которое развивалось на территориях, отличавшихся высокой степенью эллинизации, где столетиями проживало в полисах многочисленное греческое население, и с архаической эпохи в отдельных городах существовали собственные научные и художественные школы, греческая культура была доминирующей и определяла культурный ландшафт страны.

³⁸ McClellan III G.; Dorn H. *Science and Technology in World History*. – Baltimore. 2006. P. 81.

Oleg Yu. Klimov

Pergamon research school

The Attalid dynasty is famous for its patronage of learning and arts. The first rulers had good contacts established with the Athenian schools of philosophy – with the Academy and Lyceum. They also started inviting some scholars to live in Pergamon at the rulers' court. The exact time when the library and research center were established is not known yet due to the lack of the evidences. During the reign of Attalus I the tendency to invite scholars to Pergamon became much more intensive. The rule of Eumenes II and Attalus II was the time when their library and research school flourished. The ruins of the library of the time of Eumenes II are examined on the Pergamon hill during the archaeological researches. Many famous scholars belong to the scientific center in Pergamon. Antigonus, called the Carystian, who was an art critic and a sculptor, Polemon the Perieget, a traveler and an author of the periegetic works numbered about thirty books, Apollonius from Perge, the famous mathematician, Biton, the author of the treatise on the construction of war machines, Krates from Mallos, a philologist, an outstanding librarian, and a geographer, Apollodorus, a poet and a historian, the didactic poet Nicander of Colophon and many others were among them. There are no evidences concerning the form of organization of the scholars at the court of Attalids. The researchers could complete a synodos but the lack of information doesn't let us give the exact answer. The library and the research center of Pergamon gives a new form of relations between science and power, between the researchers and the rulers. It was the kings' power who organized the research, paid for it and in some way influenced the content of it.

